

Три кризиса новейшей экономической истории России¹

Д.А. ФОМИН, кандидат экономических наук

E-mail: fomin-nsk@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4337-3697

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В новейшей экономической истории России выделены три кризиса. Первый из них (1914–1927 гг.) связан с событиями Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. В основе второго (1941–1947 гг.) лежала Великая Отечественная война. Третий (современный) начался после распада СССР в конце 1991 г. Все кризисы охарактеризованы с точки зрения глубины падения производства, сокращения основных фондов и нанесённого экономике ущерба. По расчетам автора, третий кризис стал наиболее разрушительным и масштабным в новейшей истории. Анализ современной производственной динамики показал, что после 2008 г. Россия в рамках существующей экономической политики не способна восстановить объем своего докризисного производства и не в состоянии сохранить доставшийся ей с советских времен объем материального потенциала.

Ключевые слова: экономическая история России; экономический рост; динамика основных фондов; экономический ущерб; экономические кризисы

JEL: E21, E22, N14, N44, O11, P20

Актуальное прочтение текущей экономической ситуации вполне может быть осуществлено с исторических сравнительных позиций. Если рассматривать экономическое развитие в достаточно длительной исторической перспективе, можно выявить фундаментальные особенности того или иного периода и при этом быть свободным от соображений конъюнктурного характера.

Особый интерес для экономиста представляет новейшая история России. Во-первых, именно в этом периоде появилась статистическая система оценки развития национальной экономики. Во-вторых, современное положение экономики определяется результатом ее предшествующего развития и накопленного опыта. Конечно, изучение экономики России до Первой мировой войны также увлекательно и поучительно. Однако, чем дальше

¹ Работа выполнена по плану НИРИЭОПП СО РАН. Проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

исторические события отстоят от наших дней, тем меньшее влияние они оказывают на современность. Наконец, апелляция к (славному) прошлому является для многих источником оптимизма и веры. Кажется, что на фоне тяжелейших катастроф XX столетия современное положение России выглядит не столь уж драматично.

Под экономическим кризисом в данной статье понимается промежуток времени, в течение которого объем производства был ниже докризисного уровня. Начальной точкой кризиса считается год спада, а конечной – год восстановления производства до докризисного уровня. При таком подходе в новейшей истории России вполне отчетливо можно выделить три кризиса. Первый был связан с Первой мировой войной, революционными событиями, Гражданской войной и иностранной интервенцией. В основе второго – военные события 1941–1945 гг. Третий период охватывает временной промежуток с начала распада СССР в конце 1991 г. и до наших дней.

С точки зрения факторов, условий протекания, продолжительности и глубины указанные кризисы имеют, конечно, мало общего. Тем не менее наличие у экономической науки обобщающих универсальных показателей позволяет сделать их сопоставимые оценки. В представленных ниже расчетах использованы показатели динамики совокупного производства и размера основных фондов как одного из важнейших факторов, определяющих объем этого производства².

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению специфики кризисов, нужно отметить важную особенность их протекания. Эта особенность очень хорошо осознавалась в 1920–1930 гг., о ней говорилось в научных изданиях и официальных документах послевоенного периода, но современные экономисты, за крайне редким исключением, эти знания растеряли.

С технико-экономической точки зрения любой кризисный период делится на два этапа. Первый из них – этап сильного падения производства при более умеренном падении материальной

² В качестве интегрального показателя производства использованы показатели чистого национального дохода, валового национального продукта и валового внутреннего продукта. С точки зрения методологии расчета абсолютных значений это разные показатели. При расчете относительных динамических изменений этими различиями вполне можно пренебречь.

базы и сокращении рабочей силы. Второй этап носит восстановительный характер, рост производства осуществляется главным образом на базе унаследованного производственного потенциала и сохранившихся трудовых резервов [Вайнштейн, 1972. С. 34]. Эти два этапа – падение и восстановление – были характерны для всех трех кризисов новейшей истории России, они требуют своей хронологической маркировки и экономического измерения.

Первый кризис (1914–1927 гг.)

Первый кризис экономики длился с 1914 по 1927 г. В свою очередь этот временной отрезок может быть разбит на две части. Первоначальный период с 1914 г. по 1921 г. характеризовался непрерывным падением производства. По оценке А. Маркевича и М. Харрисона, в низшей точке падения, в 1921 г., страна потеряла 61,8% национального дохода по сравнению с 1913 г. [Маркевич, Харрисон, 2013. С. 18]. После 1921 г. началось быстрое восстановление, и уже в 1927 г. объем производства достиг довоенного уровня. Рассчитанный по данным А. Маркевича и М. Харрисона годовой темп прироста экономики составил впечатляющие 15,4%. И здесь нужно внимательно посмотреть на факторы такого роста.

Хронологически он был получен в рамках реализации новой экономической политики (нэп). Вне всякого сомнения, расширение хозяйственной инициативы, нормализация денежного обращения, товарное насыщение рынка сыграли значительную роль в росте экономики, особенно ее потребительского сегмента. Однако в основе этого роста лежали накопленные запасы трудовых ресурсов и капитала.

Детализированные расчеты динамики базовых фондов в этом периоде были выполнены С.Г. Струмилиным и касались промышленности [Струмилин, 1963. С. 361]. С точки зрения воспроизводства фондов автор выделил три подпериода. В первом из них, длившемся с 1914 по 1917 гг., происходил рост стоимости основных фондов промышленности. По полной стоимости к 1918 г. фонды выросли на 22,9% относительно уровня 1913 г., а по остаточной – на 23,9%. В качестве причин столь высокого накопления С.Г. Струмилин называет высокую рентабельность промышленности, обусловленную щедрыми военными заказами,

а также падением курса рубля, приведшим к убыточности накоплений в денежной форме.

Далее с 1918 по 1925 гг. происходит сокращение фондов, в основе которого лежат два фактора. Во-первых, это потери от ведения боевых действий в 1918–1920 гг., во-вторых, потери, связанные с низким уровнем инвестиций – превышением размеров амортизационных отчислений над капитальными вложениями. Струмилину оценил военный ущерб в 345 млн довоенных рублей, а ущерб капитального характера – в 562 млн. В совокупности оба они составили 20,3% от полной стоимости фондов в 1913 г.

Видно, что потери основных фондов в годы революций, иностранной интервенции и Гражданской войны были ниже их накопления в годы Первой мировой. Поэтому стоимость фондов как полная, так и остаточная, к началу 1926 г. была выше их стоимости в 1913 г.

Стоит также сравнить уровни падения промышленного производства и стоимости фондов в этом периоде. Максимум падения производства, так же как и экономики в целом, пришелся на 1921 г., когда страна потеряла 66,1% своего производства от уровня 1917 г. [Маркевич, Харрисон, 2013. С. 18]. Минимум полной стоимости основных фондов также пришелся на 1921 г. и составил 93,8% от уровня 1917 г. [Струмилину, 1963. С. 361]. Как видно, размер падения промышленного производства более чем в 10 раз превышал сокращение его материальной базы. При этом остаточная стоимость фондов промышленности непрерывно падала вплоть до 1925 г., хотя это падение и было минимальным.

Наконец, третий подпериод, охватывающий промежуток 1926–1927 гг., характеризовался стабилизацией, а затем и ростом полной и остаточной стоимости фондов, а также снижением уровня износа. По оценке С.Г. Струмилину, за эти два года остаточная стоимость основных фондов промышленности выросла на 10,8%. В 1927 г. она превышала стоимость фондов 1913 г. примерно на 22,0%. В тот же год, по расчетам А. Маркевича и М. Харрисона, советская промышленность достигла довоенных объемов промышленного производства.

Можно с уверенностью сказать, что восстановление экономики в 1922–1927 гг. опиралось главным образом на имеющиеся запасы фондов. Вместе с тем их использование, судя по снизившейся

фондоотдаче, было менее эффективным, чем до войны. Проблема восстановления и роста экономики решалась за счет докапитализации оборотных средств, увеличения загрузки имеющихся мощностей, возвращения на производство демобилизованных работников. Если стоимость основных фондов союзной государственной промышленности с учетом их износа выросла с 1923 по 1927 г. в 1,25 раза, то стоимость запасов – в 1,7 раза, сырья и незаконченного производства – в 2,3 раза, денежных средств – в 5,3 раза, краткосрочных финансовых обязательств – в 10,1 раза. Численность работников в том же периоде увеличилась в 1,77 раза [Струмилин, 1963. С. 366–370].

Единственная известная оценка динамики основных фондов в целом по экономике в данный период также принадлежит С.Г. Струмилину. Согласно его расчетам 1925 г., общие потери фондов экономики страны в годы Первой мировой, иностранной интервенции и Гражданской войны составили 9–10% от их стоимости в 1917 г. [Струмилин, 1925. С. 60]. Если сравнить эту общую оценку с данными по промышленности, которая потеряла в этом периоде 8,0% фондов по их полной стоимости, можно прийти к выводу, что динамика изменений фондов промышленности довольно точно характеризует и динамику по всей экономике.

Стоит отметить, что информация о характере воспроизводства материального потенциала воюющих стран в годы Первой мировой крайне скудна и фрагментарна. Л. А. Мендельсон, обобщивший научную литературу о возмещении и расширении основного капитала Англии, Франции и Германии, пришел к выводу, что в годы войны интенсивно развивались только отрасли, производящие средства ведения войны и замещавшие импортную продукцию в условиях разрыва международных связей. В других отраслях был практически парализован процесс возмещения средств производства, происходило разбухание амортизационного фонда с одновременным проеданием основного капитала [Мендельсон, 1964. С. 274–280]. По всей видимости, аналогичные тенденции в накоплении капитала происходили и в России.

К концу восстановительного периода отчетливо обозначилась застой в сфере обновления основных фондов. По расчетам Г.И. Ханина, при сохранении нэпа годовой прирост стоимости основных фондов не мог бы быть выше 1,5% от их остаточной стоимости, а по таким важным элементам фондов, как паровые

котлы, паровозы, скот, жилье, размер годового выбытия и вовсе превышал ввод [Ханин, 1989. С. 75]. Очевидно, что после 1927 г. все резервы и возможности восстановительного периода были исчерпаны и встал вопрос о поиске новых источников развития страны. В этот период политическое руководство СССР пришло к верному выводу о том, что для дальнейшего экономического роста требуются новые производства, увеличение капитальных вложений, перемещение рабочей силы в приоритетные отрасли экономики. В 1929 г. эти представления были переведены в практическую область, страна перешла на мобилизационный путь развития.

Во второй половине 1920-х отчетливо обозначилось отставание темпов восстановления экономики СССР от европейских стран. Страны, оказавшиеся в Первой мировой победителями или сохранявшие нейтралитет, в среднем сумели восстановить экономику за 3,4 года после окончания войны, а проигравшие – в среднем за 9,7 года. Советский Союз достиг довоенной отметки последним из крупных европейских стран – в 1927 г. Даже Германия, понёсшая чудовищные потери и обложенная громадными репарациями, смогла выйти на довоенные объемы производства уже в 1926 г. [Кембриджская экономическая история, 2013. С. 262].

По расчетам А.Л. Вайнштейна, в 1928 г. на долю фонда накопления приходилось 16,9% национального дохода СССР, в 1931 г. эта доля возросла до 40,1%; в сопоставимых ценах фонд накопления вырос за эти три года в 2,6 раза [Вайнштейн, 2000. С. 334]. Открывшиеся финансовые возможности радикально трансформировали технологическую структуру капитальных вложений. В условиях низкой инвестиционной активности значительная доля ресурсов тратится на содержание имеющихся основных фондов, тогда как высокая активность приводит к созданию новых производств и, в конечном счете, построению экономики на новой технологической основе.

В СССР до середины 1920-х годов расходы на капитальный ремонт, судя по промышленности, превышали расходы на новое строительство. За последующие пять лет удельный вес капитального ремонта снизился в три раза, а вес нового строительства вырос на эту же величину. В результате доля капитальных вложений, ориентированная на создание новой материальной базы

промышленности в 1930 г., в 7,5 раза превышала долю вложений, направленных на воспроизводство существующей базы. До середины 1920-х годов инвестиционная политика СССР была консервативно-застойной, а после – модернизационной (табл. 1).

Таблица 1. Удельный вес нового строительства и капитального ремонта в технологической структуре капитальных вложений промышленности СССР, 1925–1930 гг., %

Показатель	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1930
Новое строительство	14,9	18,2	29,4	34,1	45,5
Капитальный ремонт	18,4	12,4	10,2	нет св.	6,1

Источник. СССР за 15 лет. Статистические материалы по народному хозяйству. М.: Государственное социально-экономическое издание, 1932. С. 43. [Кафенгауз, 1994. С. 240].

Помимо необходимости наращивания капитальных вложений, перед советской экономикой в конце 1920-х годов стояла не менее актуальная задача увеличения военных расходов. Выполненные недавно А. Тузом расчеты показали, что в 1930 г. военные расходы СССР составляли 2,3% ВВП, а в абсолютных значениях достигли только 62% уровня Российской империи 1913 г. И по абсолютным, и по относительным показателям военных расходов СССР в 1930 г. был на предпоследней позиции среди государств – будущих участников Второй мировой. Более низкие значения были только у Германии, чье военное строительство в тот период было ограничено версальскими соглашениями. Осложнение международной обстановки вынуждало СССР к быстрому увеличению военного бюджета.

В 1932 г., после нападения Японии на Маньчжурию, советские военные расходы выросли в 4,9 раза по сравнению с 1930 г. В 1938 г. эти расходы были еще увеличены: они достигли 4,7 военных бюджетов 1913 г. и 10,7% советского ВВП. Несмотря на столь впечатляющий рост, СССР удалось довести военные расходы только до уровня среднемировых значений. Абсолютные военные расходы с 1913 г. по 1938 г. выросли во Франции в 2,2 раза, в США – в 2,6 раза, в Великобритании – в 2,9 раза, в Германии – в 7,0 раза и в Японии – в 13,1 раза. Развитые либеральные державы в 1938 г. тратили на военные нужды в среднем 9,4% своего ВВП; Германия – 14,6% и Япония – 23% [Туз, 2021. С. 634]. С позиций последовавших событий было бы разумным для стран антигитлеровской коалиции доведение военных расходов

накануне войны хотя бы до уровня своих будущих противников, что предполагало рост затрат в 1,5–2 раза. Однако у СССР возможности существенного наращивания военных расходов не было, а США, Великобритания и Франция этой возможностью не воспользовались.

В современной исторической и экономической литературе можно найти немало материалов о насильственности преобразований, жестокости власти, реалистичных описаний ужасов коллективизации, ошибок индустриализации. Теоретически, конечно, был возможен медленный и более гуманный способ модернизации. Но в условиях спешки, низкого уровня образования управленческих кадров, недостаточного опыта функционирования командной экономики выбор сделан был не в пользу эволюционного пути развития.

Столь высокое накопление обеспечило стране быстрый экономический рост. Г.И. Ханин оценил среднегодовой темп прироста советской экономики в 1929–1941 гг. в 3,2% [Ханин, 1988. С. 85]. По расчетам А. Бергсона, ВВП СССР вырос в сопоставимых ценах с 181,9 млрд руб. в 1928 г. до 331,8 млрд в 1940 г. [Bergson, 1961. P. 48], т.е. темп среднегодового прироста, по его оценке, составил 5,1%. По мировым меркам того периода это было выдающееся достижение. Экономический рост СССР как минимум в 3,6 раза превышал средний показатель для стран Европы (0,88%) и был значительно выше темпов развития Германии (2,32%), Великобритании (1,44%) и Франции (–0,59) [Кембриджская экономическая история, 2013. С. 263].

Высокий удельный вес расходов капитального характера, государственных расходов и затрат на оборону достигался за счет низкого удельного веса потребления населения. Других источников развития экономики в довоенном СССР не было.

Второй кризис (1941–1947 гг.)

Второй кризисный период пришелся на время Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Самая ранняя оценка ВВП СССР в годы войны принадлежит А. Бергсону. Согласно его расчетам, максимальный размер падения советского ВВП пришелся на 1944 г. и составил 8,3% от уровня 1940 г. [Bergson, 1961. P. 48]. В 1987 г. Госкомстат СССР обнародовал динамику национального дохода СССР в годы войны, согласно

которой максимум падения пришелся на 1942 г. и составил 34% от уровня 1940 г. [Народное хозяйство СССР, 1987. С. 43]³. Оценки динамики национального дохода в годы войны, выполненные в 1996 г. М. Харрисоном, также свидетельствуют, что минимальное производство было в 1942 г., и оно составило 66% от довоенного уровня [Harrison, 1996. P. 95].

Такое падение экономики следует считать значительным, по меркам Второй мировой войны. В 1944 г. ВВП нейтральных стран составил 112% от уровня 1938 г., стран-победителей – 99%, проигравших – 91% [Кембриджская экономическая история, 2013. С. 206].

Что касается послевоенного восстановления, в советской историографии отсутствуют обобщающие расчеты темпов развития экономики в эти годы. По официальным данным, промышленность вышла на довоенный уровень производства в 4-м квартале 1946 г., транспорт – в 1947 г., сельское хозяйство – не ранее 1952 г. [История социалистической экономики..., 1980. С. 52–127]. Этот информационный пробел восполнили американские экономисты. Расчеты Р. Морстена и Р. Пауэлла показали, что уже в 1947 г. размер советского ВВП достиг уровня 1940 г., а в 1950 г. превзошел его на 21,5% [Moorsteen, Powell, 1966. P. 623].

Таким образом, можно констатировать, что продолжительность второго кризиса составила 6,5 лет, а его восстановительный этап длился пять лет. Период возвращения экономики СССР к довоенному уровню, в отличие от кризиса 1914–1927 гг., вполне соответствовал европейским темпам восстановления. Страны-победительницы в среднем сумели восстановить ВВП за 1,5 года после окончания войны, нейтральные страны – за 1,3, а проигравшие – за 4,4 года [Кембриджская экономическая история, 2013. С. 219].

Если со сроками восстановления экономики все более-менее понятно, то с его факторами до сих пор нет ясности. Довольно очевидно, что если СССР удалось восстановить объем довоенного производства в 1947 г., значит, не позднее этого года (а в действительности с учетом инвестиционного лага значительно

³ Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 43.

раньше) и размер фондов достиг довоенного уровня. Подробные расчеты американских исследователей также свидетельствуют о том, что основные фонды СССР достигли довоенного уровня по полной стоимости в 1947 г., а по остаточной – в 1948 г. [Moorsteen, Powell, 1966. P. 315].

Так же как и в предыдущем кризисе, потери фондов складывались из военных потерь и потерь капитального характера. Впервые официальные оценки потерь фондов в годы Великой Отечественной войны были обнародованы в 2015 г. По архивным данным статистического ведомства, СССР из-за боевых действий потерял 26,2% основных фондов от их наличия в 1940 г.⁴ Что касается материальных потерь капитального характера, выполненные мною расчеты показывают, что в годы войны экономика СССР вследствие недостатка капитальных вложений потеряла 9,5% своих фондов. Нормальный инвестиционный процесс, обеспечивающий сохранность и минимальный прирост основных фондов, был восстановлен только в 1945 г. [Фомин, 2021]. Итого общие потери основных фондов составили 179,5 млрд руб. в довоенных ценах, или 35,6% их довоенного объема по остаточной стоимости.

Между тем инвестиционная активность в послевоенные годы была крайне низкой. По моим расчетам, если бы при своем развитии экономика СССР опиралась исключительно на инвестиционные ресурсы, чистый прирост стоимости основных фондов за 1945–1947 гг. составил бы только 60,2 млрд руб., а полное восстановление фондов состоялось не раньше 1952 г. [Фомин, 2021]. Восстановление советской экономики к началу 1948 г. только на 33,5% объясняется внутренним инвестиционным фактором. Очевидно, что решающую роль сыграли факторы внешние.

Эти факторы очень плохо изучены, и далеко не все из них имеют стоимостную оценку. В их числе: военная помощь со стороны союзников в годы войны (главным образом поставки по ленд-лизу); послевоенные репарации (значительные выплаты, помимо Германии, были получены от Румынии и Венгрии); военные трофеи; передовые научно-технические достижения союзников и побежденных; труд военнопленных, а также вывезенных

⁴ Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 126–129.

с территории Германии ученых, инженеров и рабочих. Материальным итогом войны стало также расширение границ СССР. По расчетам А. Бергсона и Х. Хеймана, с ноября 1939 г. по сентябрь 1945 г. площадь СССР выросла на 3,3%, а численность населения (по состоянию на начало 1939 г.) – на 13,7% [Bergson, Neumann, 1954. P. 6]⁵. Очевидно, что прирост фондов советской экономики, с учетом более высокой плотности населения в присоединенных районах, был более значительным по сравнению с территориальными изменениями.

Все указанные факторы существенно определяли облик экономики СССР вплоть до середины 1960-х годов, обеспечивая высокие темпы экономического развития и научно-технические достижения.

К изучению доставшегося СССР материального богатства советские хозяйственные и статистические органы приступили только в конце 1950-х. Причиной изучения был, конечно, не праздный интерес, а трудности, с которыми сталкивались плановые органы. Как указывали Я. Б. Кваша и В. В. Красовский, основой планирования капитальных вложений была стоимость функционирующих производств. Однако действующие производства на своих балансах имели фонды, стоимость которых была определена либо в устаревших ценах, либо (в случае, если имущество поступило по репарациям (СССР получал их от нескольких стран) или от союзников) ее вовсе не было. Понятно, что заниженная балансовая стоимость и устаревшие ценники на многие инвестиционные товары и строительно-монтажные работы приводили к занижению плановых капитальных затрат, необходимых для создания новых производств. Ценой этих ошибок стали сокращение ввода производств и невыполнение плановых заданий [Кваша, Красовский, 1964. С. 13].

Трудности в планировании привели к принятию решения о проведении до января 1960 г. генеральной переоценки основных фондов в масштабе всей советской экономики. Наиболее простым и дешевым методом такой переоценки является индексный, при котором стоимость имущества в ценах базового периода умножается на индекс роста инвестиционных цен. Однако у предприятий

⁵ Изменения территории и численности населения СССР приведены без учета территорий Белостока и Перемышля, которые были присоединены к СССР в 1939 г. и переданы Польше в 1944 г.

было много имущества, не имевшего базовой цены, поэтому и индексировать было нечего. Потому для переоценки можно было использовать только метод прямого пересчета.

Размер доставшегося СССР после войны богатства был весьма значителен. Не менее значительным стал и масштаб статистических работ по его определению. В них были задействованы многочисленные отраслевые проектные и научно-исследовательские организации, которые в течение нескольких лет подготовили 103 ценника и 35 сборников укрупненных показателей стоимости строительных работ. Эти ценники и сборники указывали цены, действовавшие в 1955 г., для 40–45 тыс. типов, марок и типоразмеров машин советского и зарубежного производства, а также для тысяч конструктивных элементов зданий и сооружений [Кваша, 2003. С. 494].

Факт проведения переоценки, а также метод ее осуществления однозначно свидетельствуют о том, что на балансе предприятий в конце 1950-х годов было много иностранного оборудования, и оно составляло значительную часть общей стоимости основных фондов. Об этом же говорят и некоторые частные примеры. Американский историк Р.Х. Джонс пишет о том, что в 1962 г. СССР эксплуатировал флот, состоящий из 397 судов, по которым так и не произвел расчет с союзниками (это 59% всех поставок по ленд-лизу). Пять таких судов были использованы для перевозок стратегических грузов на Кубу в период Карибского кризиса [Джонс, 2015. С. 279–280].

Можно со всей очевидностью утверждать, что война продолжала оказывать громадное влияние на развитие СССР вплоть до середины 1960-х годов. Это влияние выразилось, помимо прочего, в заимствовании научно-технологических разработок, собственное производство которых давалось СССР с большим трудом. Для научно-технического развития СССР в 1920-е годы применял немецкие достижения, которые не могли быть использованы в самой Германии вследствие ограничений, налагаемых Версальским договором. В 1930-е годы мировой экономической кризис позволил СССР получить разработки передовых американских компаний. Наконец, в 1940-е годы и начале 1950-х основными источниками научно-технического развития СССР стали разработки побежденной Германии и союзническая помощь США.

Кумулятивное наложение трех заимствованных инновационных волн пришлось на начало 1950-х – середину 1960-х годов. Это период максимальной мощи советской экономики и громадных геополитических успехов Советского Союза. Угасание с таким трудом добытого научно-технического потенциала поставило СССР в середине 1960-х годов перед выбором: искать очередную брешь в мировой капиталистической системе, либо самостоятельно развивать науку и передовые технологии. В условиях начавшегося застоя и деградации правящей элиты результат выбора оказался иным. СССР так и не смог преодолеть международную изоляцию, а собственное научно-техническое развитие зашло в тупик.

Созданная материальная основа и доступ к передовым мировым инновационным разработкам обеспечили высокий рост советской экономики. Расчеты Г.И. Ханина показали, что в 1950–1965 гг. средний прирост составил 6,3% [Ханин, 1988. С. 85], а оценки западных ученых варьируют в интервале от 6,6 до 7% [Kaplan, 1969. P. 9]. За всю историю страны это были самые высокие показатели экономического развития. Но сохранить набранные темпы СССР не удалось. Страна начала движение к своему распаду, а экономика – к краху.

Третий кризис (1992 г. – настоящее время)

Если судить по официально исчисляемой динамике произведенного национального дохода, то сокращение объемов производства началось в РСФСР в 1990 г. (экономика потеряла 4,2% по сравнению с предыдущим годом) и продолжилось в 1991 г. (сокращение на 14,3%)⁶. По альтернативным оценкам Г.И. Ханина, уже в 1989 г. снижение производства составило 2,4%, в 1990 г. оно выросло до 3,6%, а в 1991 г. – до 8,6%. Всего же в позднесоветский период, согласно этим расчетам, экономика РСФСР потеряла около 14% своего национального дохода [Ханин, 2010. С. 162–163]. Оценки Г.И. Ханина были выполнены на основе динамики электропотребления и грузоперевозок. Конечно, данные показатели могут меняться по разным причинам, например, вследствие макроэкономических структурных

⁶ Российская Федерация в 1992 г. Стат. ежегодник / Госкомстат России. М., 1993. С. 14.

сдвигов. Однако для таких сдвигов нужно время. В краткосрочном периоде сокращение объемов электропотребления и снижение объема перевезенных грузов однозначно свидетельствуют о начале кризисных явлений в экономике.

По формальным параметрам начало третьего, современного кризиса, приходится на конец 1980-х. И это был кризис советской модели экономики. Начиная с 1992 г. следует говорить уже о трансформационном кризисе. В процессе транзита новой экономической системе предстояло преодолеть те проблемы и трудности, под тяжестью которых погибла советская экономическая система. В этой связи за начальную докризисную точку отсчета современного кризиса был выбран 1991 г. – финальный год существования СССР и советской экономики.

Стоит особо отметить, что, несмотря на указанное падение, третий кризис не был фатально задан траекторией развития позднего СССР, в его основе не лежали чрезвычайные военные и революционные обстоятельства, характерные для предыдущих кризисов. Его большая часть объясняется провалами экономических реформ.

Данные, приведенные ниже, основаны на альтернативных расчетах и оценках, и они коренным образом отличаются от данных официальной статистики. Несмотря на то, что российская статистика в 1990-е годы перешла на международные стандарты и методологию, официальные российские макроэкономические показатели, как и ранее советские, по целому ряду причин не являются достоверными и не могут быть использованы в анализе макроэкономической динамики.

В отличие от двух предыдущих случаев, в третьем экономическом кризисе можно выделить три этапа. Первый – период коренных экономических преобразований, протянувшийся до 1998 г. Сокращение ВВП к этому сроку, по нашим с Г.И. Ханиным оценкам, составило 32,8% [Ханин, Фомин, 2017]. Основной капитал к концу первого периода сократился примерно на 9,6% [Там же].

Огромные резервы покрытия издержек переходного периода лежали в сокращении военных расходов, которые, по вполне обоснованным оценкам, в конце 1980-х годов составляли 18–19%, а в 1990-е годы были доведены до 1,5–2,5% ВВП [Kontorovich, 2019. P. 32].

Примером модернизации экономики на основе демилитаризации вполне могла стать Япония. После окончания Второй мировой военные расходы страны были сокращены с 25% ВВП практически до нуля. Это позволило нарастить фонд накопления, в результате чего в 1950–1973 гг. объем основного капитала в расчете на душу населения ежегодно прирастал на 8%. Высокий уровень инвестиций и техническое перевооружение экономики стали основными факторами японского экономического чуда [Мэддисон, 2015. С. 247–249]. Однако в России высвободившиеся в начале 1990-х годов средства военного бюджета пошли не на модернизацию экономики и не на социальную поддержку пострадавшего от реформ населения.

Наличие резервов мощностей и рабочей силы явились активной основой роста российской экономики в 1999–2007 гг. Этот период стал вторым, восстановительным этапом современного кризиса. В 2007 г. российская экономика практически достигла уровня производства 1991 г. (объем ВВП составил 99,5% дореформенного уровня), а вот полная стоимость основных фондов вследствие низкой инвестиционной активности сократилась на 21,7% [Ханин, Фомин, 2017].

В середине 2008 г. уже четко обозначились все признаки, характерные для завершения восстановительного периода: выход на докризисный объем производства, максимальная загрузка производственных мощностей, резкий рост реальной и номинальной заработной платы как реакция на недостаток квалифицированной рабочей силы, повышение оптовых и розничных цен при ограниченном росте денежной массы в результате перегрева российского рынка [Ханин, Фомин, 2008].

В 2008 г., так же как и ранее в 1928 г., восстановительные резервы роста экономики были исчерпаны. Тогда советская экономика перешла на мобилизационный путь развития. В современных условиях единственным фактором роста также могло бы стать увеличение доли накопления за счет сокращения доходов населения (главным образом наиболее состоятельных слоёв), однако по ряду причин этого не произошло. Следующий, 2009 г., так и не стал «годом великого перелома».

Третий период (2008–2020 гг. и далее) характеризуется дальнейшим падением производственного потенциала страны и, как следствие, ее производства. Общее сокращение основных фондов

российской экономики с 1991 г. по 2020 г. составило по полной стоимости 33,4%; по остаточной (с учетом износа фондов) – 61,3% [Фомин, Ханин, 2017]⁷.

Об изменении материальной базы экономики дает представление удельный вес расходов на капитальный ремонт в структуре вложений в основной капитал. В условиях недостаточности инвестиционных средств предприятия вынуждены наращивать объемы ремонта. Их удельный вес в структуре инвестиций российской экономики вырос с 7,0% в 1970 г. до 18,1% в 2007 г. (после 2007 г. показатель не публикуется)⁸. Если судить о характере экономики по удельным затратам на поддержание физически изношенных и морально устаревших фондов, ее современное состояние соответствует показателям первой половины 1920-х годов.

Что касается производства, то в 2020 г. российский ВВП был на 12,7% ниже советского уровня [Ханин, Фомин, 2017]⁹. Если воспользоваться ретроспективными оценками ВВП РСФСР, то окажется, что размер экономики РФ в 2020 г. соответствует уровню РСФСР 1979 г. [Пономаренко, 2002. С. 227]¹⁰.

Вместе с тем масштаб спада производства значительно меньше сокращения его материального потенциала. Можно назвать три основные причины, препятствующие перерастанию инвестиционного кризиса в полномасштабный экономический. Первая – это более эффективное и рациональное использование основных фондов по сравнению с позднесоветский периодом. По нашим с Г.И. Ханиным расчетам, фондоотдача экономики сегодня выше, чем при СССР, примерно на 40%.

Вторая причина – массовое вовлечение в экономику низкоквалифицированной рабочей силы. Вместо инвестирования средств в дорогую технику и сложное оборудование российские предприниматели предпочитают использовать низкооплачиваемую рабочую силу, в которой нет недостатка. По данным экономического и социального совета ООН, в 2020 г. Россия использовала труд

⁷ Расчеты, содержащиеся в статье, доведены при написании данного текста до 2020 г.

⁸ Российский статистический ежегодник за соответствующие года [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994>

⁹ Расчеты, содержащиеся в статье, доведены при написании данного текста до 2020 г.

¹⁰ Российский статистический ежегодник. Стат.сборник /Госкомстат России. М., 1995. С. 243.

11,6 млн мигрантов и заняла четвертое место в мире по объемам привлечения иностранных работников¹¹. Это соответствует 15,4% численности российских работников.

Наконец, третья причина заключается в структурной перестройке экономики, повышении в ней удельного веса отраслей с низкой фондоемкостью. На протяжении всего постсоветского периода наиболее динамично развивались отрасли рыночных услуг, торговля, общественное питание. Все они, с одной стороны, аккумулировали значительные финансовые ресурсы и показывали высокую рентабельность, с другой – их развитие не требовало больших объемов инвестиций.

Более чем очевидно, что действие указанных причин является ограниченным, и по мере исчерпания оставшихся запасов советского капитала кризисные явления в российской экономике будут нарастать.

До недавнего времени население этого не замечало. Общее сокращение российского ВВП сопровождалось структурной перестройкой его конечного использования. Средняя доля накопления капитала к середине прошлого десятилетия упала по сравнению с позднесоветским периодом примерно в 1,5 раза. Еще больше снизились расходы государства, главным образом военные, доля которых сжалась в шесть раз. Благодаря этому удалось стабилизировать и даже увеличить потребление домашних хозяйств. В 2014 г. доля потребления домохозяйств, оцененная по паритету покупательной способности, составила 68,9% российского ВВП [Фомин, 2020. С. 156]. Это беспрецедентная для крупной страны величина.

Гипертрофированный рост фонда потребления сопровождался открытием границ, либерализацией внешней торговли, снятием запретов на выезд за границу, товарным насыщением потребительского рынка, интенсивным строительством торговой и логистической инфраструктуры. На фоне товарного дефицита и убогости быта позднего СССР успехи созданной в последние десятилетия системы выглядели для основной массы населения впечатляющими. Их не омрачала даже колоссальная дифференциация доходов.

Об удовлетворенности населения своим уровнем потребления свидетельствует его низкая политическая активность и отсутствие в России сколько-нибудь значимой оппозиции. Тем не менее

¹¹ International Migration. 2020. United Nations. New York, 2020. P. 48.

возможности перераспределения ВВП в сторону потребления были полностью реализованы к 2015 г., дальнейшее сокращение валового продукта неминуемо стало означать и снижение доходов населения. Также довольно очевидно, что по мере разрастания экономического кризиса перед российским обществом возникнет вопрос о его причинах и неизбежно начнется поиск источников возобновления роста.

Цена кризисов

Помимо хронологического описания и определения глубины падения экономики, большое значение при оценке кризисов имеет определение их последствий, расчет стоимостных ущербов. Хотя возможности для расчетов не слишком велики, а сами они носят крайне приближенный характер, общее представление о масштабах экономических бедствий они все-таки дают.

Из всех трех кризисов наименее изученным является первый. Помимо динамики падения национального дохода в кризисный период и примерного размера сокращения производственных фондов, никаких других сведений о размере ущерба российской экономики нет. Задача по определению ущерба экономике в результате войн и революций в свое время не стояла перед экономической наукой. А в наше время, вследствие потери необходимых источников информации, она, скорее всего, уже нерешаема.

По всей видимости, такое же положение характерно для всех воевавших стран Европы. Теоретически интерес к расчету размеров экономического ущерба после окончания Первой мировой войны мог проявиться при обосновании размера репарационных выплат. Однако на практике экономическая дискуссия свелась исключительно к определению возможностей германской экономики удовлетворить финансовые требования победивших стран [Кейнс, 2007]. До сих пор сведения о потерях материальных активов Европы во время Первой мировой носят отрывочный характер [Кембриджская экономическая история, 2013. С. 212–213].

В отношении экономических потерь в годы Великой Отечественной войны существуют более подробные данные. В 1947 г. Н. А. Вознесенский определил ущерб советской экономики в годы войны в размере 1890 млрд довоенных рублей. Эта сумма сложилась из материальных потерь (основных и оборотных фондов, личного имущества, жилого фонда), прямых военных расходов

(финансирование военного производства, расходы на эвакуацию и реэвакуацию предприятий, выплата военных пенсий и довольствий), а также потерь доходов предприятий и населения на оккупированных территориях [Вознесенский, 1947. С. 159–162].

Более детализированный и обоснованный подсчет советских потерь в годы войны произвел М. Харрисон. Согласно его расчетам, прямые материальные потери на оккупированных территориях составили 679 млрд довоенных рублей; расходы на ведение войны – 582 млрд, затраты на эвакуацию, реэвакуацию, конверсию предприятий, а также расходы на противовоздушную оборону – 1308 млрд руб. Таким образом, общий материальный ущерб советской экономики был оценен в 2569 млрд руб. [Harrison, 1996. P. 155–164].

По оценкам Р. Морстена и Р. Пауэлла, в 1940 г. размер советского ВВП в ценах 1937 г. составил 250,5 млрд руб. [Moorsteen, Powell, 1966. P.623]. Если опираться при оценке ущерба на данные Н. Вознесенского, то его величина составляет 7,5 годовых довоенных ВВП, при использовании расчетов М. Харрисона размер ущерба возрастает до 10,2 ВВП.

Ущерб российской экономики в постсоветский период также складывается из нескольких составляющих. Во-первых, это недополучения ВВП. Если просуммировать годовые разницы ВВП периода 1992–2020 гг. с размером ВВП 1991 г., то потери российской экономики составят 3,6 годовых ВВП базисного года.

Во-вторых, это потери основных фондов. Наиболее адекватно их характеризуют изменения остаточной стоимости фондов из-за включения в данный показатель уровня износа. По нашим расчетам, в 2020 г. остаточная стоимость основных фондов российской экономики составила 569,1 трлн руб., что составляет 38,7% от уровня 1990 г.¹² Таким образом, потери капитального характера к настоящему времени составили 901,4 трлн руб. При официальном значении ВВП 2020 г. в размере 107,0 трлн руб. получаем общие потери фондов с учетом их износа начиная с 1991 г. в размере 8,4 годовых ВВП¹³. При этом сам

¹² Методика расчета и сам расчет стоимости фондов содержатся в работе [Фомин, Ханин, 2017]. Временной ряд, содержащийся в данной статье, в последующем доведен до 2020 г.

¹³ О производстве и использовании ВВП за 2020 год. [Эл. ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/60.htm

российский ВВП в 2020 г. был меньше ВВП 1991 г. на 12,7%. С учетом этого изменения потери основных фондов экономики к началу 2021 г. составили 7,5 ВВП РСФСР 1991 г.

Наконец, третья составляющая – это величина вывезенного за границу капитала в постсоветский период. Хотя недостатка в оценках масштаба этой проблемы нет, практически все они носят экспертный характер и представляют собой скорее журналистские расследования, нежели серьезные аналитические труды. Одна из наиболее известных работ на эту тему была выполнена коллективом с участием Т. Пикетти [Novokmet et al., 2017. P.5]. Авторы оценили объем вывезенного из России капитала с 1992 г. по 2016 г. в 75% национального дохода. В своих расчетах они опирались на официальные торговый баланс и баланс движения капитала. Но это далеко не полная оценка. В частности, авторы не учли систематическое занижение экспортных цен на российские сырьевые товары по сравнению с мировыми, денежные переводы с территории России иностранных работников, контрабанду материальных активов в сопредельные страны. В этой связи вряд ли будет ошибочной оценка вывоза капитала из России в размере годового дореформенного ВВП. Суммируя все составляющие, можно констатировать, что экономический ущерб России за весь постсоветский период составил 12,1 годовых ВВП 1991 г.

Изложенную информацию о кризисах российской экономики в новейшей истории представим в сопоставимом виде (табл. 2).

Общая оценка ущерба трех кризисов свидетельствует о том, что отечественная экономика в итоге потеряла более 25 годовых размеров своего производства, или около четверти объема от всего производства в новейший период своей истории – результаты деятельности целого поколения¹⁴. Что касается сравнительных характеристик, выполненные расчеты показывают, что и по продолжительности, и по величине ущерба последний постсоветский кризис является самым крупным из трех. Вместе с тем он имеет иную онтологию и не может быть описан с тех же методологических позиций, что кризисы 1920-х и 1940-х годов.

¹⁴ Принято считать, что продолжительность жизни поколения составляет 25 лет. Это промежуток времени от рождения девочки до момента, когда девочка сама становится мамой.

Таблица 2. Характеристика кризисов российской экономики в новейшей истории (1914–2020 гг. и далее)

Характеристика	Первый кризис (1914–1927)	Второй кризис (1941–1947)	Третий кризис (1992–2020 и далее)
Продолжительность кризиса, лет ¹	14 лет	7 лет	Более 29 лет
В том числе период падения	8 лет (1914–1921 гг.)	2 года (1941–1942 гг.)	7 лет (1992–1998 гг.) + 13 лет (2008–2020 и далее)
период восстановления	6 лет (1922–1927 гг.)	5 лет (1943–1947 гг.)	9 лет (1999–2007 гг.)
Максимальное падение экономики, % от докризисного уровня ²	61,8 (1921 г.)	34,0 (1942 г.)	1 этап кризиса – 32,8 (1998 г.) 3 этап кризиса – 12,7 (2020 г.)
Объем недополученного продукта в течение кризиса к объему годового докризисного продукта (дохода), раз ³	4,1	1,2	3,6
Максимальное изменение запасов основных фондов, % от докризисного уровня ⁴ по полной стоимости	+ 16,2 (1921 г. к 1913 г.) – 6,2 (1925 г. к 1917 г.)	– 12,3 (1944 г. к 1940 г.)	– 33,4 (2020 г. к 1991 г.)
по остаточной стоимости	+ 10,1 (1921 г. к 1913 г.) – 11,1 (1925 г. к 1917 г.)	– 35,6 (1944 г. к 1940 г.)	– 61,3 (2020 г. к 1991 г.)
Потери основных фондов в результате ведения боевых действий, % от полной стоимости фондов в довоенный период ⁵	7,7	26,2	–
Экономический ущерб к объему годового докризисного продукта (дохода), раз ⁶	Нет св.	10,2	12,1

Источник: Составлено и рассчитано по данным, приведенным в статье.

Примечания. ¹ – Продолжительность кризиса представляет собой промежуток времени, в течение которого объем производства был меньше уровня исходного докризисного года. В нем выделены два периода: период падения производства и восстановительный. Исходными выбраны 1913, 1940 и 1991 гг. ² – В качестве показателей развития экономики используются национальный доход (для 1914–1927 гг.), ВНП (для 1941–1947 гг.) и ВВП (для 1992–2020 гг.). ³ – Объем недополученного продукта (НД, ВНП, ВВП) рассчитан как сумма разницежегодных отклонений фактических объемов продуктов от объема продукта докризисного года. ⁴ – Данные об изменении стоимости основных фондов в целом по экономике за 1914–1927 гг. приняты равными изменениям стоимости основных фондов промышленности. ⁵ – Потери основных фондов в период ведения войн относятся к прямым материальным потерям и не включают в себя рост износа оставшихся фондов. ⁶ – Экономический ущерб представляет собой измеримое последствие кризиса и связан с уничтожением материальных объектов или их сокращением, изъятием финансовых ресурсов на внеэкономические цели, недополучением товаров и услуг. Имеет множество составляющих, набор и величина которых определяются характером кризиса.

Третий кризис

С экономической точки зрения содержательной и наиболее очевидной характеристикой кризиса является сокращение производства, разрушение его материальной базы, отторжение значительных результатов экономической деятельности на внешнеэкономические цели. Однако падение экономики не является исчерпывающей характеристикой кризиса. В восстановительный период, например, экономика демонстрирует рост, или может укрепляться материальная база в условиях сокращения экономики, как это было, например, в годы Первой мировой войны.

Поэтому не менее важной характеристикой кризиса, является его хронологическая динамика. Кризис можно определить как временный процесс упадка, в рамках которого экономика сохраняет свою способность к регенерации и достижению докризисного уровня.

В этой связи очевидно, что кризисы 1914–1927 гг. и 1941–1947 гг. вполне отвечают традиционным критериям кризисов: экономика сначала падала, потом восстанавливалась, а затем выходила на привычную, оставленную на некоторое время траекторию роста.

Если же говорить о современном третьем кризисе, то в рамках сформулированного представления он отвечал требованиям кризиса только до 2008 г. К этому году российская экономика восстановила докризисный объем производства, но вот выйти на путь дальнейшего роста она так и не смогла. По формальным параметрам развития в виде устойчивого ежегодного снижения ВВП и сокращения капитала российскую экономику после 2008 г. действительно можно описать как кризисную, но с точки зрения содержательной динамики это не так.

Причина заключается в том, что современная российская экономика в рамках существующей экономической политики не в состоянии выйти на свой докризисный уровень. Укажу две причины. Первая состоит в том, что уровень текущих доходов не позволяет поддерживать запасы основных фондов капитала. В 2020 г. полная стоимость основных фондов российской экономики составила 1603 трлн руб., а годовой уровень

амортизационных отчислений – 2,8%¹⁵. Получается, что размер годового омертвления фондов равен 44,9 трлн руб. В этом же году объем инвестиций в российскую экономику составил 20,1 трлн руб.¹⁶ Таким образом, только для простого воспроизводства фондов в российскую экономику необходимо ежегодно дополнительно вкладывать 24,8 трлн руб., а инвестиции увеличить в 2,2 раза. Если же говорить о минимальном росте запасов фонда, скажем, на уровне 1% от их остаточной стоимости, то объем инвестиций нужно дополнительно увеличить на 5,7 трлн руб., а для расширенного воспроизводства поднять до 50,6 трлн руб., то есть в 2,5 раза.

Для того чтобы вкладывать в экономику такие средства, нужно сократить потребление домашних хозяйств (никаких других источников инвестиционного роста в стране нет) в 2,4 раза – с 52,9 трлн руб. до 22,4 трлн. Помимо этого, нужны еще вложения в оборотные активы, а также увеличение государственных расходов на финансирование отраслей, связанных с воспроизводством человеческого капитала. Очевидно, что такая задача находится за пределами возможностей (даже теоретических) современного российского государства и общества. За этими же пределами находятся постановка такой задачи и ее широкое обсуждение.

Вторая причина невозможности преодоления современных деструктивных процессов заключается в их хронологической протяженности. Поколение людей, рожденных и состоявшихся до кризиса, однозначно расценивает кризис как некое отклонение от нормальной жизни и, соответственно, прикладывает усилия для его преодоления. Если по каким-либо причинам эти усилия не приносят результата в течение активной жизни докризисного поколения, нормализации не будет: вступающее в жизнь новое поколение не обременено системой ценностей старших и рассматривает кризис в качестве существующей нормальности. Мировоззренческий конфликт в оценке текущей реальности однозначно разрешается в пользу молодых. Поэтому очевидно, что любой кризис, протяженность которого превышает жизнь

¹⁵ Методика расчета и сам расчет стоимости фондов содержатся в работе [Фомин, Ханин, 2017]. Временной ряд, содержащийся в данной статье, в последующем доведен до 2020 г.

¹⁶ Инвестиции в основной капитал в Российской Федерации в 2020 году. [Эл. ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SRseY8Jp/inv_osn2020.pdf

поколения (т.е. примерно 25 лет), имеет мало перспектив разрешения и возврата на докризисный уровень.

Состояние российской экономики после 2008 г. следует трактовать не как очередной кризис новейшей истории, а как процесс ее перехода в качественно иное состояние. Это транзит в новую экономическую реальность, вырваться за рамки которого, и в этом его принципиальное отличие от кризиса, нет никакой возможности. Данный транзит следует рассматривать с позиции фатализма, то есть как плохо понимаемый, никем не контролируемый и необратимый процесс. Скорость этого процесса составляет минус 1,1% ВВП в год, его траектория не определена, а конечная цель не установлена. Время покажет, какого уровня распада достигнет экономика на этом пути и удастся ли России встать на иную магистраль своего экономического развития.

Литература

Вайнштейн А.Л. Народный доход России и СССР (история, методология исчисления, динамика). В кн.: Избранные труды в двух книгах. Кн. 2. Народное богатство и народный доход России и СССР. М.: Наука, 2000. С. 263–386.

Вайнштейн А.Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период 1921–1928 гг. М.: Наука, 1972. 194 с.

Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: ОГИЗ Политиздат, 1947. С. 159–162.

Джонс Р.Х. Ленд-лиз. Дороги в Россию. Военные поставки США для СССР во второй мировой войне. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2015. 350 с.

История социалистической экономики СССР в семи томах. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. М.: Наука, 1980. 590 с.

Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.

Кваша Я., Красовский В. Капитальное строительство и проблемы возмещения // Вопросы экономики. 1964. № 11. С. 8–16.

Кваша Я.Б. К переоценке основных фондов (методологические вопросы). В кн.: Кваша Я.Б. Избр. тр. в 3 т. / Т. 2: Капитальные вложения и воспроизводство основных фондов. М.: Наука, 2003. С. 488–500 с.

Кейнс Дж.М. Экономические последствия Версальского мирного договора. В кн.: Общая теория занятости, процента и денег. Избр. М.: ЭКСМО, 2007. С. 463–620.

Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Том 2: 1870 – наши дни. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 624 с.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.

- Мендельсон Л. А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 528 с.
- Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2003 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд. Института Гайдара, 2015. 584 с.
- Пономаренко А. Н.* Ретроспективные национальные счета России: 1961–1990. М.: Финансы и статистика, 2002. 256 с.
- Струмилин С. Г.* Проблемы промышленного капитала в СССР. М.: Экономическая жизнь, 1925. 212 с.
- Струмилин С. Г.* Промышленное развитие России и СССР. В кн.: Избранные произведения в пяти томах. Том 1. Статистика и экономика. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 325–397.
- Туз А.* Всемирный потоп. Великая война и переустройство мирового порядка, 1916–1931 годы. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 640 с.
- Фомин Д. А.* Российские инвестиции: интеллектуальная недостающая // ЭКО. 2020. № 6. С. 149–170. DOI: 10.30680/ЕСО0131–7652–2020–6–149–170
- Фомин Д. А.* Великая Отечественная война и послевоенное экономическое восстановление. (Рукопись).
- Фомин Д. А., Ханин Г. И.* Динамика основного капитала экономики РФ в постсоветский период (1992–2015 гг.) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 21–33.
- Ханин Г. И.* Почему и когда погиб НЭП? // ЭКО. 1989. № 10. С. 66–83.
- Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. В 2 т. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 408 с.
- Ханин Г. И.* Экономический рост советской экономики: альтернативная оценка // Коммунист. 1988. № 17. С. 83–90.
- Ханин Г. И., Фомин Д. А.* 20-летие экономических реформ в России: макроэкономические итоги // ЭКО. 2008. № 5. С. 42–62.
- Ханин Г. И., Фомин Д. А.* Постсоветское общество и российская макроэкономическая статистика // Мир России. 2017. № 2. С. 62–80.
- Bergson, A., Heymann H.* Soviet National Income and Product, 1940–1948, New York, 1954.
- Bergson, A.* The real national income of Soviet Russia since 1928. Harvard University Press: Cambridge, MA., 1961.
- Harrison Mark.* Accounting for war Soviet production, employment and the defence burden, 1940–1945. Cambridge university press, 1996. P. 155–164.
- Kaplan N.* The Record of Soviet economic Growth, 1928–1965. Memorandum RM-6169. The RAND Corporation, Santa Monica, 1969.
- Kontorovich V.* Reluctant Cold Warriors. Economists and national security. Oxford University Press, 2019.
- Moorsteen R., Powell R.* The Soviet Capital Stock, 1928–62. Homewood (Ill.): R. D. Irwin, 1966.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G.* From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA 02138, August 2017.

Статья поступила 05.10.2021

Статья принята к публикации 25.10.2021

Для цитирования: Фомин Д.А. Три кризиса новейшей экономической истории России // ЭКО. 2022. № 2. С. 157–184. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-157-184

Summary

Fomin, D.A., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Three Crises in Russia's Recent Economic History

Abstract. In the modern economic history of Russia three crises are distinguished. The first of them (1914–1927) is associated with the events of the First World War, revolutions and the Civil War. The second (1941–1947) was based on the Great Patriotic War. The third (modern) began after the collapse of the USSR at the end of 1991. All crises were characterized in terms of the depth of production decline, reduction of fixed assets and damage caused to the economy. Calculations showed that the total amount of damage exceeded more than 25 years of pre-crisis production, and the third crisis appeared to be the most destructive and large-scale in modern history. Analysis of the modern production dynamics showed that after 2008, Russia in the framework of the current economic policy is not able to restore the volume of its pre-crisis production and is not able to save the amount of material potential inherited from the Soviet era.

Keywords: *Economic history of Russia; economic growth; dynamics of fixed assets; economic damage; economic crises*

References

- Bergson, A. (1961). *The real national income of Soviet Russia since 1928*. Harvard University Press: Cambridge, MA.
- Bergson, A., Heymann H. (1954). *Soviet National Income and Product, 1940–1948*, New York.
- Fomin, D.A. *The Great Patriotic War and Post-War Economic Recovery*. (Manuscript). (In Russ.).
- Fomin, D. A., Khanin, G. I. (2017). Dynamics of the Fixed Capital of the Russian Economy in the Post-Soviet Period (1992–2015). *Problems of forecasting*. No. 4. Pp. 21–33. (In Russ.).
- Fomin, D.A. (2020). Russian Investments: the Missing Intellectual Part. *ECO*. No. 6. Pp. 149–170. (In Russ.).
- Harrison, Mark (1996). *Accounting for war Soviet production, employment and the defence burden, 1940–1945*. Cambridge university press, Pp. 155–164.
- Jones, R. H. (2015). *Lend-Lease. The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union in the Second World War. 1941–1945*. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf, P. 350. (In Russ.).
- Kafengauz, L.B. (1994). *Evolution of industrial production in Russia*. Moscow. Epiphany. P.848. (In Russ.).

- Kaplan, N. (1969). *The Record of Soviet economic Growth, 1928–1965*. Memorandum RM-6169. The RAND Corporation, Santa Monica.
- Keynes, J. M. (2007). *Economic Consequences of the Versailles Peace Treaty*. In the book: *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Selection. Moscow: EKSMO. Pp. 463–620. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (1988). Economic Growth of the Soviet Economy: an Alternative Assessment. *Communist journal*. No. 17. Pp. 83–90. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (1989). Why and When did the NEP Die? *ECO*. No. 10. Pp. 66–83. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2010). *Economic History of Russia in Recent Times*. In 2 volumes. Vol. 2. Economy of the USSR and the RSFSR in 1988–1991. Novosibirsk: Publishing house of NSTU. P. 408. (In Russ.).
- Khanin, G. I., Fomin, D. A. (2008). 20th Anniversary of Economic Reforms in Russia: Macroeconomic Results. *ECO*. No. 5. Pp. 42–62. (In Russ.).
- Khanin, G. I., Fomin, D. A. (2017). Post-Soviet Society and Russian Macroeconomic Statistics. *Universe of Russia*. No. 2. Pp. 62–80. (In Russ.).
- Kontorovich, V. (2019). *Reluctant Cold Warriors. Economists and national security*. Oxford University Press
- Kvasha, Ya. B. (2003). *Revaluation of Fixed Assets* (Methodological Issues). In the book: Kvasha Y.B. Selected works: in 3 volumes / Vol. 2: Capital Investments and Reproduction of Fixed Assets. Moscow. Nauka. Pp. 488–500. (In Russ.).
- Kvasha, Ya., Krasovsky, V. (1964). Capital Construction and Problems of Compensation. *Issues of Economics*. No. 11. Pp. 8–16. (In Russ.).
- Maddison, E. (2015). *Contours of the World Economy, 1–2003 AD: Essays in Macro-Economic History*. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute. P. 584. (In Russ.).
- Markevich, A., Harrison, M. (2013). *World War I, Civil War and Recovery: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl. P. 111. (In Russ.).
- Mendelssohn, L. A. (1964). *Theory and History of the Economic Crises and Cycles*. Vol. 3. Moscow. Mysl. P. 528. (In Russ.).
- Moorsteen, R., Powel, I. R. (1966). *The Soviet Capital Stock, 1928–62*. Homewood (Ill.): R.D. Irwin.
- Novokmet, F., Piketty, T., Zucman, G. (2017). *From Soviets to oligarchs: Inequality and property in Russia, 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA 02138, August.
- Ponomarenko, A. N. (2002). *Retrospective National Accounts of Russia: 1961–1990*. Moscow: Finance and statistics. P. 256. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1925). *Problems of Industrial Capital in the USSR*. Moscow. Publishing house Economic life. P. 212. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1963). *Industrial Development of Russia and the USSR*. In the book: Selected works in five volumes. Vol. 1. Statistics and Economics. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, Pp. 325–397. (In Russ.).
- The Cambridge Economic History of Modern and Contemporary Europe*. (2013). Vol. 2: 1870 – Present Day. Moscow. Publishing house of the Gaidar Institute. P. 624. (In Russ.).

The History of the Socialist Economy of the USSR in seven volumes. (1980). Vol. 6. Restoration of the National Economy of the USSR. Creation of the Developed Socialism Economy. 1946 – early 1960s. Moscow. Nauka. P. 590. (In Russ.).

Tooze, A. (2021). *The Deluge. The Great War, America and the Remaking of the Global Order, 1916–1931.* Moscow. Publishing house of the Gaidar Institute. P. 640. (In Russ.).

Vainshtein, A. L. (1972). *Prices and Pricing in the USSR during the Recovery Period 1921–1928.* Moscow. Nauka. P. 194. (In Russ.).

Vainshtein, A. L. (2000). *National Income of Russia and the USSR (History, Methodology of Calculation, Dynamics).* In the book: Selected works in two books. Book. 2. National Wealth and Income of Russia and the USSR. Moscow. Nauka. Pp. 263–386. (In Russ.).

Voznesensky, N. (1947). *The Military Economy of the USSR during the Patriotic War.* Moscow. OGIZ Politizdat. Pp. 159–162. (In Russ.).

For citation: Fomin, D.A. (2022). Three Crises in Russia's Recent Economic History. *ECO*. No. 2. Pp. 157–184. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-157-184